

СЕВЕРНОЕ ПОЛЕ

Хилый березняк, угрюмый ельник,
Сосняков мираж,
Лиственница, ива, можжевельник –
Северный пейзаж.

Гарь, распадок, рыжее болото,
Словно плешь, гора,
Тундры августовской позолота,
Злая мошкара.

Белый снежник, солнца бубен медный,
Нарт горячий след.
Каждый день живётся как последний
На изломе лет.

И маршрут расписан как по нотам –
За верстой верста.
Лемва, Грубею, Кечпель, Надота –
Вольные места.

Абезь, Сейда, Хановей, Харота –
Сжаты в кровь уста...

У ПОЛЯРНОГО КРУГА

О чем ты задумался, друг?
Оставь на потом печали,
Гляди, как Полярный Круг
Бесчинствует иван-чаем.

Берёзок корявая рать
Спешилась у жёлтой речки,
О чём-то своём говорят
Лиственниц жаркие свечки.

Сиреневых гор каскад
Вдали –
 как фата-моргана,
Серебряный пережат,
Агатовые туманы.

Нам выпал мужской расклад –
Суконною ниткой тропок
Идти в грозовой закат
По веренице сопок.

Мы вытянем свой сезон
Как песню – на чистой ноте.
Прячется горизонт
В морошковое болото.

Штормовки от соли белы,
Ветрами заласканы лица –
Мы сами себе короли,
Художники, вольные птицы.

Не будем давать, старик,
Тоске наступать на пятки.
Баюкает материк,
Как Ноев ковчег, палатку.

НА ВАЙГАЧЕ

Подружка, грусть поглубже спрячь –
Судьба сманила на Вайгач
К медведям белым.
Устав от городских бодяг,
В кампании друзей-бродяг
Обрёл свой берег.
Здесь каждый камень солен, свят
И дышит с головы до пят
Скупой историей.
«Полярка» шлёт тебе привет,
А в бухте Долгой больше нет
Уже фактории.
Здесь, на окраинах земных,
Стоянка пращуров шальных –
Кремнёвой россыпью,
Оскал ГУЛАГовских времён
И вольных северных племён
Святыни, росписи.
Мой «вольный, северный» прости –
На русский не перевести
Всей боли.
Забыты промысел и честь,
Задут очаг, допета песнь,
И жизнь – неволя.
Пьёт Варнек.
Горек чаек крик.
Сселить людей на материк
Решили власти.
Здесь чист был замыслом Седов.
О, Господи, спаси их кров
От сей напасти!
Мы кружки в круг не раз сведём,
Всех, здесь бывавших, вспоманём,
Потупив взоры,
А, уходя из этих мест,
В губе Худой оставим крест –
Как встарь поморы.

ЧЁРНАЯ РАБОТА

Н.П. Юшкину

Верховья Лемвы. Август. Холода.
Ковёр персидский осени на склонах
Угрюмых гор. Мятежная звезда
На бархате парчовом небосклона.

Распадами наверх ползёт туман,
Закат костром в полгоризонта стынет,
Но, догоревши, за седой Тиман
Иль за Печору без остатка схлынет.

Густеет на востоке ночи вал:
Мгновенье – и прорвёт хребта плотину,
Чернильной тучей ринется в провал
И до утра возьмёт в полон долину.

Мажорен, ровен у ручья мотив.
На берегу – палаток вереница.
Я, от маршрута чуточку остыв,
Впишу в дневник скупого дня страницу.

Про чёрный крепкий чай, солёный пот,
Маршрута прозу, ранних рос монисты,
Про то, как не пробился вертолёт
К нам с почтою. Про жар избитых истин.

Про то, как хочется к подругам в города.
Про то, что целый месяц до отлёта.
Верховья Лемвы. Август. Холода.
Прекрасная и чёрная работа.

ПОИСК

Снова в поиск...

Рюкзак, молоток
Да выдавшая виды штормовка,
Карта, компас, палатка, лоток,
Спальник, старенькая винтовка.

Два рабочих, студентка, горняк,
Вертолёт простуженный рокот,
Шкура снежника, цепкий ивняк,
Канюка беспокойного клёкот.

Позывные: «Сова-сорок пять» –
Как круги по воде – по эфиру.
Полусонна озёрная гладь,
Обжигая кружка чифиру.

День полярный, начало пути,
Стынет в дрёме палаточный город.
Надо в эти просторы вращи
И обжить эти мрачные горы.

Тянет лето свой лагерный воз,
Всё причудливей сетка маршрутов.
Вот курума седой паровоз
Ахнул вслед, опоздав на минуту.

Как упавшую с неба звезду,
Залетевшую в стланик,
Я найду в этих дебрях руду,
Очарованный поиском странник.